кр

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО КУЛЬТУРЕ И КИНЕМАТОГРАФИИ
КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ ИСТОИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО БЕЛОЗЕРЬЯ

85.12
Г30
КР-1437507

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Федеральное агентство по культуре и кинематографии
Кирилло-Белозерский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

Л.Л. Петрова

Народное искусство Белозерья

Путеводитель

Москва
Северный Паломник
2005

УДК 73/75(470)(036)
ББК 85.103(2)1я2
П30

Главный редактор Л.В. Нерсесян

Редактор Т.Г. Кислицына

Макет, цветоделение О.В. Федянина

Верстка Н.А. Заозёрова

Корректор М.А. Алексеева

Петрова Л.Л.
П30 Народное искусство Белозерья: Путеводитель. –М.: Северный паломник, 2005. – 64 с.: ил.
ISBN 5–94431–154–1

ISBN 5–94431–154–1

© Л.Л. Петрова, 2005
© Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2005
© Издательство «Северный паломник», 2005
© Фото С.В. Обух, 2005

Экспозиция «Народное искусство Белозерья» развернута в обширных сводчатых палатах Поварни Кирилло-Белозерского монастыря. Здесь представлены резные и расписные прялки, сани, светцы для лучины и сундуки, обитые просечным металлом, крестьянская мебель, глиняная, деревянная, берестяная и металлическая утварь, узорные ткани, кружево, вышитые полотенца, принадлежавшие крестьянам разных поколений. Особого внимания заслуживает богатый северный народный костюм, в изготовлении которого применялись, кроме различных тканей домашней выработки, — вышивка, плетеное кружево, набойка. Большая часть предметов народной коллекции была собрана участниками экспедиций музея на древней Белозерской земле. (Сейчас эта территория принадлежит нескольким районам Вологодской области.)

Здание Поварни, где находится экспозиция, — уникальный культурно-исторический комплекс, расположенный в юго-западной части монастыря. Отдельные его части были возведены еще в XVI веке, а последняя одностолпная палата над квасным братским

ледником появилась в XVII столетии. В настоящее время Поварня представляет собой вытянутое по оси «восток—запад» здание, состоящее из одноэтажных и двухэтажных палат. Древнее ядро Поварни — «ественная поварня» так описывается в монастырских документах: «...поварня каменая, а в ней 6 очагов котельных да ошесток, на чем есть варят про братию, в длину 5 сажен, а поперек 4 сажени...». С запада к ней пристроена «квасная поварня»: «Подле тое большие поварни другая поварня камена квасная, а в ней в очаге котел медной 300 ведр да три дщаны большые, в одном затираетца по двадцати чети солоду, а в два кладут сусло, а под ними три корыта большие. Мера поварне в длину пять сажен, а поперек три сажени...». За квасной поварней сейчас располагается одностолпная палата, над которой в прошлом находилось каменное сушило. Реставрация комплекса была завершена в 1982 году, однако квасной ледник, сушило и третий этаж над палатами между «ественной поварней» и зданием трапезной палаты при Введенской церкви остались не восстановленными.

ГОНЧАРНОЕ ИСКУССТВО БЕЛОЗЕРЬЯ

Глина — общедоступный и широко распространенный в природе материал, издревле использовавшийся для изготовления сосудов. В крестьянском быту керамическую посуду применяли как для приготовления пищи, так и для хранения продуктов. Почти в каждой волости Кирилловского и Белозерского уездов Новгородской губернии были свои небольшие гончарни. Однако к 1930-м годам деятельность традиционных гончарных центров в Белозерье почти полностью прекратилась, а керамика была постепенно вытеснена из обихода. Сослужившие свою службу глиняные сосуды хранились лишь у некоторых бережливых селян. И только благодаря экспедиционным находкам в музее сложилась обширная коллекция народной бытовой керамики XIX — первой половины XX века. Были также определены центры ее изготовления, установлены имена мастеров, изучены способы производства. Результаты исследований нашли место в публикациях музея.

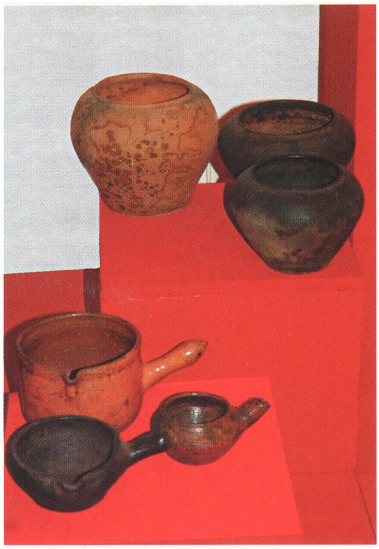
Экспозиция «Гончарное искусство Белозерья»

В конце XX века, с ростом интереса к художественной народной культуре, началось медленное возрождение отдельных центров гончарства, а музейные коллекции пополнились авторскими произведениями современных мастеров-керамистов.

Дошедшие до нас произведения народных гончаров выполнены несколькими традиционными способами. В большинстве гончарных центров Белозерья хорошо знали древнейшую технику обработки обожженных изделий — обварку. После обжига горячий сосуд окунали в картофельную или мучную болтушку, вскипавшую на его стенках. В этой технике чаще всего выполняли «черную» кухонную посуду: горшки, топники, корчаги.

Кроме обварной, изготавливали и чернолощеную посуду. В кирилловских селах и деревнях и сейчас можно встретить красивые чернолощеные гончарные изделия. Крупный центр производства чернолощеной керамики существовал в деревнях современного Колкачского сельсовета Кирилловского района. Здесь в гончарнях Павлоково, Игнатьево, Демидово изготавливали огромные, почти метровые, кувшины, корчаги различного назначения, кувшины-кубышки для масла и дегтя, рукомойники, сосуды-«утицы».

Широкой известностью пользовались гончарные династии Мишинцевых, Корулиных, Свистуновых. Работали семьями, гончарам помогали их жены, дети. Глину мяли прямо в избах, тут же, за гончарным кругом работал мастер. Многочасовой обжиг вели в русских печах, подбрасывая туда для копоти бересту и паклю в дегте.



Горшки, топники, кашник. 1920–1930-е гг.

В конце XIX века в деревенских гончарнях начали производить поливную «одноличную» керамику — глазурованную только внутри — и керамику «двухличную» — глазурованную внутри и снаружи. Поливная керамика была более эффектной, отвечала вкусам как крестьян, так и городского населения. Особенно крупное производство глазурованной керамики было налажено в соседней Закушской волости Кадниковского уезда Вологодской губернии (теперь Усть-Кубинский район Вологодской области). Наряду с кувшинами-кубышками и корчагами, выполненными на гончарном круге, здесь делали посуду и игрушки в специальных керамических формах. В одну из форм закладывали глиняный пласт, другой формой его отжимали.

Сосуды-«утицы». Конец XIX в.

Чёрнолощёная керамика. Конец XIX в.

Рукомойник. Конец XIX в.

Отштампованный таким образом сосуд затем дополняли ручками, втульчатыми носиками-рыльцами, декорировали фигурными украшениями — налепами, имевшими вид многолучевых звезд или цветочных розеток. Собирали будущий сосуд, тщательно подгоняя детали и декорируя швы широкими поясами из глиняного теста. Таким способом выполнены объемные сосуды для воды — «медяники» с ложчатыми боками, фигурные квасники, керамические самовары, цветочные горшки.

У Закушских мастеров обучились изготовлению глазурованной посуды кирилловские гончары Левашовы, основавшие в конце XIX века один из первых в Кирилловском уезде гончарных «заводов» в селе Ситское Бураковской волости. Их наследник — Александр Павлович Левашов (1909–1984 гг.) — работал в родовой гончарне до 1984 года, позже ее оборудование было приобретено музеем.

В экспозиции музея показаны ручной гончарный круг, обожженные глиняные лепешки-прокладки, латки со специальными составами для глазурования, деревянные ножи-«клепики», размес для перемешивания глиняного теста, струна-«срезка», которой мастер срезал с гончарного круга отформованный сосуд. В одном из помещений «завода» находилось несколько десятков керамических судниц — специальных емкостей цилиндрической формы

Кувшин. Конец XIX в.

Кувшин для масла. 1915 г.

Керамический самовар. Конец XIX в.

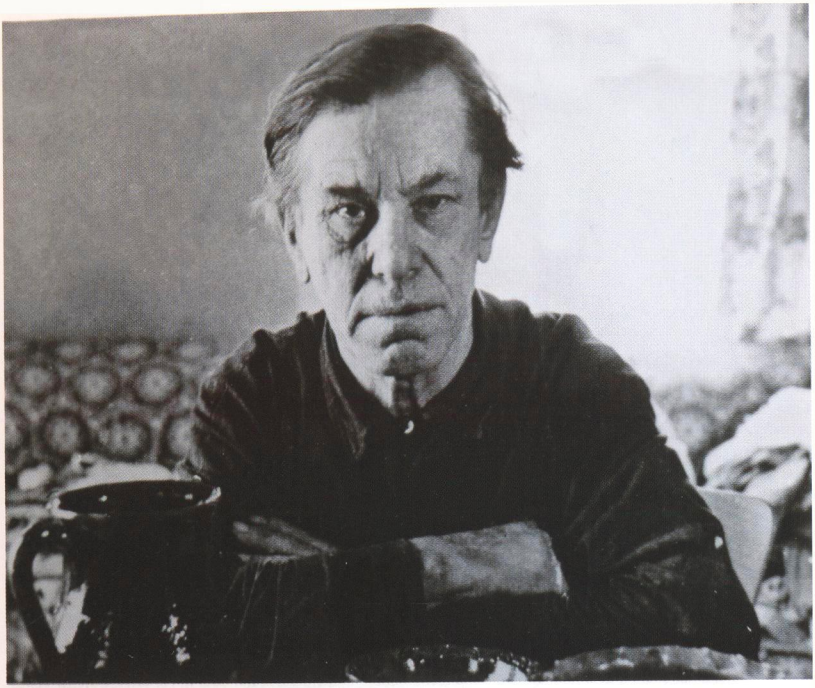
Сосуд-«медяник» для воды. Конец XIX в.

Сосуд для солений. Начало XX в.

Закушская керамика. Конец XIX — начало XX в.

с отверстиями в стенках. В них Александр Павлович Левашов, по примеру своих предшественников, обжигал небольшие сосуды, перекладывая их гончарными гвоздями.

Из гончарни Левашова происходят глазурованные кринки для молока, топники для масла, латки для запекания, столовая посуда —



Гончар Александр Павлович Левашов (1909–1984). Фото 1970-х гг.

блюда, миски, кувшины. Сосуды, выведенные чуткой рукой мастера, необыкновенно гармоничны: их отличают выверенные пропорции, четкий силуэт, плавные, мягкие линии. Стекловидные глазури, подцвеченные кристаллами марганца и окислами меди, стекая по стенкам кринок и кувшинов, делают их еще более привлекательными. Керамическая посуда, выполненная Левашовым, по сей день используется жителями деревень Кирилловского района и служит для приготовления различных блюд народной кухни. Произведения мастера можно встретить и в коллекциях центральных музеев России.

В 70 километрах к югу от Кириллова в селе Воскресенское (совр. село Ерга, Череповецкий район) находился один из древнейших гончарных промыслов Севера, возникший на богатых залежах красножгущихся глин. В XIX веке здесь было множество мастерских. Долгими зимними месяцами крестьяне трудились за гончарным кругом, а с открытием навигации на реке Шексне

Ручной гончарный круг из гончарни Левашовых. XIX в.

огромные баржи, груженые корчагами-пивниками, кухонной посудой, печными трубами отправлялись далеко в Петербург, где скупщики продавали глиняный товар прямо на набережной Невы. Однако к 1960-м годам гончарное дело в Ерге полностью прекратилось.

Возрождение промысла связано с именем череповецкого гончара Сергея Александровича Лопатенко. Чаще всего мастер обращается к традиционным гончарным формам. Корчаги и кувшины, выполненные Лопатенко, отличают упругая, тугая линия силуэта, точно найденные пропорции. Необыкновенно красива поверхность обожженных сосудов, поскольку ерговские глины при обжиге приобретают розоватый оттенок. Особую изысканность им придает темная полива, стекающая неровными языками по розовато-коричневой поверхности керамических изделий.

Традиции производства чёрнолощёной кирилловской керамики, прерванные на десятилетия, были восстановлены гончаром Сергеем Гезовичем Феньвеши. Он долго и упорно искал свой путь в керамике, не только работая за гончарным кругом, но и изучая опыт предшественников в музейных фондах. Гончар искал новые способы обработки поверхности сосудов. Так, вместо камня-лощила, которым полировали стенки сосудов старые мастера, Сергей Гезович и его ученики используют мех. Разнообразные кувшины, вазы, горшки, блюда и латки мастер обжигает в горне с задымлением по 6—8 часов. При этом сосуд насквозь пропитывается копотью. Затем печь остывает 2—3 суток, и только после этого, изделие достают из горна и отмывают от сажи.

Судницы для обжига сосудов. Начало XX в.

Керамика А.П. Левашова. 1970-е гг.

В музейном зале рядом с традиционными для Белозерья чернолощеными корчагами, горшками, рукомойниками, выполненными Феньвеши, соседствуют изящные, изысканные по силуэту кувшины, вазы, в убранстве которых мастер применяет сюжетный лепной декор.

Крестьянское население Белозерья использовало в быту более шести десятков видов глиняной посуды. Чаще прочих были «в ходу» латки, «долгие» латки, миски, блюда, горшки, кринки, квашни, топники, кашники, масленки, корчаги, рыльники, кувшины, кувшины-кубышки, рукомойники, квасники, самовары, горшки-«цветники», корчаги-«медяники», бочонки, банки, кружки и чашки. Особое место отводилось квашне, в которой готовилось тесто для традиционного

праздничного угощения — пирогов. В народе этот сосуд имел несколько названий: «растворник», «творильник», «пирожная кринка», «опарница». В избе порожнюю квашню держали на почетном месте — на печи, возле дымовой трубы.

Особую роль квашня играла в свадебных обрядах — перед тем, как вести невесту к венцу, ее усаживали на перевернутый вверх дном объемистый сосуд, желая тем самым здоровья и чадородия. Из квашни обмывали умершего, после чего воду выплескивали подальше от избы, квашню разбивали, а осколки закапывали на границе крестьянской усадьбы. Треснувшая пирожная кринка, по народному поверью, могла сулить смерть домочадцам. Пытаясь отвести беду, хозяйки склеивали черепки тестом, а затем «пеленали» сосуд распаренными берестяными полосками. Это должно было сохранить жизнь кому-то из членов семьи, а «спасенный» сосуд мог еще долго служить в хозяйстве.

В «кутнем» — кухонном углу избы, который находился против устья печи, сосредотачивалась вся «черная» посуда. Известно, что каждое блюдо народной кухни готовилось в строго определенном сосуде. Пористый черепок впитывал ароматы приготовленного в нем блюда, и, перепутав посуду, можно было испортить еду. Хозяйка твердо помнила, какой горшок предназначался для «штей», а какой — для пареной брусники.

Традиционные блюда крестьянской кухни: похлебки, супы, щи, каши, кисели — готовились в горшках, рассчитанных на боковой нагрев в метеной русской печи и имевших округлое тулово и небольшое в диаметре дно. Любопытно, что, покупая горшок, кирилловская крестьянка всегда справлялась у мастера: «Горшок — мужик али баба?». «Пол» горшка определялся по звуку, который издавал черепок при легком постукивании по нему. Если звук был глухим, то горшок считался «мужиком», а если звонким и чистым — «бабой». Считалось, что в горшке-«бабе» еда получается лучше.

Рядом с многочисленными горшками, на полках, в посудницах, на лавках и на печном шестке стояли латки. Почти каждая из них имела свое собственное наименование. Так, «грешая» латка служила для гречневой каши, которую готовили к праздничному столу. В глубокой латке-«картофнице» запекали картофель с молоком и крупой. Латка-«губница» предназначалась для грибов — «губ»

Сосуд-«роговик». Народный мастер России С.А. Лопатенко. 1990-е гг.

или «обабок»; латки-«мясницы» были в ходу в скоромные дни; в «долгих» латках запекали рыбу. Существовали латки особой формы для ритуальных блюд: овсяного киселя и студня. На дне их обычно отпечатывали изображение рака или рыбы.

Латки участвовали и в отправлении многочисленных обрядов. Так, накануне Нового года, в навечерие перед днем памяти святого Василия Великого (Васильев вечер), в латках-«кисельницах» выносили на мороз овсяный кисель. Ритуал «кормления» Деда Мороза сопровождали просьбой: «Мороз, Мороз, ешь кисель, не клюй мой овес». Овес сеяли рано весной, и утренние холода («утренники») могли погубить посев. Магическим «кормлением» крестьяне пытались умилостивить природу, спасти будущий урожай.

В кутном углу всегда было много топников, масленок и кашников, имевших вид небольших криночек с оттянутыми носиками-сливами и короткими полками-ручками. Многие из этих сосудов также участвовали в ритуальных действах. Из небольших кашников кормили только что

Кувшин. Народный мастер России С. Г. Феньвеши. 1990-е гг.

родившую женщину, в них же готовили пищу для подросших детей, а по весне кашники использовались для окуривания скота перед первым его выгоном в поле.

Под лавками в крестьянской избе стояли большие сосуды — корчаги. В них готовили пареную репу, брюкву; в корчагах с втульчатыми рыльцами топили сало. В объемных корчагах парили белье в щелоке из печной золы, а в корчагах с крышками («волохами») гасили выгребенный из русской печи уголь. Любопытно, что кирилловские крестьянки, торговавшие сметаной, молоком, маслом и другими продуктами, в зимние базарные дни сидели на корчагах с углем, как на грелках, прикрыв их волохами и ветошью.

В нежилой части избы, в клетях или на подволоке (чердаке), хозяйки хранили полтора-два десятка корчаг — пивников, в которых готовили сусло для пива — во время многочисленных праздников требовалось большое количество этого напитка. Древнейший способ варки сусла был распространен в северной части Кирилловского уезда. Для этого использовался общественный чан (на местном диалекте — «штян») — деревянный, бондарной работы. Чан ставили на высокий помост, закладывали в него ячменный или ржаной солод и заливали ключевой водой. Рядом разжигали костры, в которых раскаляли камни. С помощью специальных щипцов их опускали в чан, накрывая его крышкой-

«Долгая» латка-«жаровня» и латки для ритуальных блюд. Начало XX в.

Пирожная кринка-«квашня», оплетенная берестой. Начало XX в.

«веком» и какой-либо тканью. В распаренный солод доливали воду, продолжая ее нагревать с помощью раскаленных камней.

Варка сусла длилась не один день. У «поварни» (так называлось место или особое строение, где варили сусло) хозяйки выставляли рядами корчаги, отмеченные родовыми знаками-оберегами: шести- и восьмилучевыми розетками, поясами орнамента из косо положенных крестов, зигзагов, треугольников, «куриных лапок». Готовое сусло «спускали» в лотки, выбив пробку из сливного отверстия в днище чана, а затем разливали большими пивными ковшами в хозяйские корчаги. Крестьянки разносили их по своим избам, выливали содержимое в бочки-пивники, добавляли «приголовок» из сбродившего теста и ставили сусло в теплое место, где оно

Топники для масла и кашник. Начало XX в.

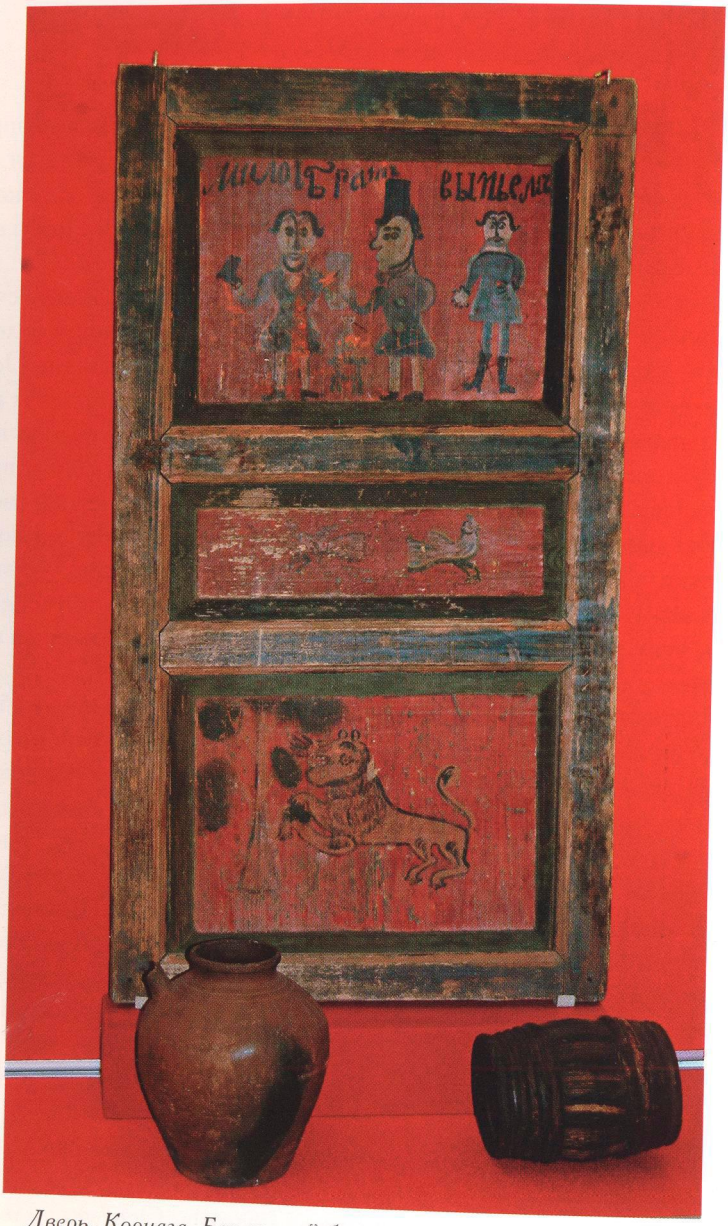
«ходило». Уже через сутки было готово сладкое пенистое «бабье» пиво, а через два-три дня — более крепкий напиток для мужской половины населения.

На праздники крестьяне ходили в гости со своим пивом, наливая его в небольшие дынеобразные бочонки или высокие стеклянные бутыли-«четверти» (четверть равнялась $^1/_4$ ведра или 3,08 л). Праздничное столование стало сюжетом для росписи двери из деревенской избы, представленной в экспозиции. Изображение двух мужчин с бутылью-«четвертью» и кружками в руках сопровождает надпись: «Милой брат, выпьемъ».

Любопытную страницу старинного быта позволяет приоткрыть корчага с изображением на верхней части тулова побега плавуна булавовидного. Это северное растение применялось народными целителями для лечения «переусердствовавших» в поглощении хмельного зелья. В корчагах, отмеченных такими знаками, местные народные врачеватели («знаткие люди») готовили напиток для «упимшихся». Секрет его хранили в тайне. Если «знаток» не оставлял после себя преемника, то такие сосуды, по смерти владельца, разбивали и предавали земле. Наша корчага каким-то образом избежала печальной участи и сохранилась в заброшенном доме. Возможно, у целителя не было близких, способных исполнить обряд «похорон» того, что ему принадлежало при жизни, и использовалось в магических целях.

Корчага с рыльцем. Конец XIX в.

Бондарная бочка, корчаги для сусла. Начало XX в.



Дверь. Корчага. Бондарный бочонок для пива. Начало XX в.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВЫШИВКА БЕЛОЗЕРЬЯ

В коллекции музея широко представлена крестьянская вышивка Белозерья. Вышивкой украшены полотенца, простыни — «настилалники», скатерти и отдельные элементы женского народного костюма: рубахи, передники, головные уборы. Почти все они имели особое сакральное предназначение.

Среди этих сакральных предметов наиболее важным можно считать полотенце — длинное, до четырех метров полотнище белого холста, украшенное на концах широкой полосой вышивки. Особенно велика была его роль в свадебных обрядах: полотенцем перевязывали руки жениху и невесте во время обряда сговора или «рукобитья», на нем подавали хлеб-соль молодым. Полотенце входило в число подарочных предметов: до семидесяти полотенец своей работы раздаривала кирилловская невеста на свадьбе: «и попу, и дьячку, и учителю, всем — по полотенцу своей работы». По этим «даровьям» женихова родня судила, «велика ли молодая рукодельница, чтит ли прежноту деревенскую...», а попросту, знает ли она древние обычаи и обряды.

Значима была роль полотенца в родильном и крестильном обрядах. Так, на особое полотенце принимали новорожденного, в полотенце с христианской символикой заворачивали только что окрещенного младенца. Полотенце брали с собой юноши, уходя из дома на военную службу. Эта традиция свято соблюдалась на Севере и в годы Великой Отечественной войны, когда заветное полотно клали в походную котомку жена — мужу, мать — сыну. Возвратившийся с фронта воин, бывало, первым делом расстилал его на столе. Полотенцем повивали кресты-голубцы при дорогах, «на росстанях», его накидывали на троицкую березку, на полотенцах опускали гроб в могилу. Еще в 1950-е годы полотенца «наспишники», «постинники» развешивали в избе к праздникам. Особым полотенцем украшали киот с иконами в красном углу.

Не менее значима была в крестьянском быту узорная тканая скатерть, которая обычно сшивалась из двух кусков холста и украшалась вышивкой вдоль узких сторон полотна. Особую роль она играла в свадебном обряде. Когда невесту увозили под венец, она

Женский крестьянский костюм с вышитой рубахой-«воротушкой». 1920-е гг.

хваталась за угол скатерти, лежавшей на столе, и тянула ее с плачем до порога, показывая свое нежелание распроститься с родным домом. До сегодняшнего дня в отдельных деревнях Белозерья на Радуницу, поминая родителей, крестьяне расстилают на могилах скатерти с ритуальной пищей, имитируя древние тризны.

В украшенные вышивкой костюмы «оболокались» (одевались) женщины — главные хранительницы заветов старины. Наиболее важные сакральные мотивы содержались в вышивке рубах и головных уборов.

Богат и разнообразен сюжетный строй крестьянской вышивки Белозерья. В ее орнаменте мы видим архаические мотивы: изображения древа, птицы, солнечной ладьи с птицами, лосями или конями, антропоморфные фигуры. Иногда встречаются геральдические сюжеты с двуглавыми орлами, волками-оборотнями у древа. В геометрическом орнаменте широко распространены квадраты, ромбы с крючьями, восьмилучевые розетки, свастики, пальметты, а в растительном — преобладают различного рода бордюры с волнообразной линией. Фон при этом, как правило, отсутствует, а достаточно сложный узор занимает все пространство вышивки.

Истоки такого богатства орнаментальных, растительных и сюжетных композиций следует, вероятно, искать в древнейшей культуре этих мест. Известно, что на территории Белозерья издавна обосновалось финно-угорское племя весь, о чем свидетельствовала еще «Повесть временных лет». Финно-угорский компонент сохранялся в местной культуре и после заселения этих земель славянскими племенами. Так, особый язык населявшего Белозерье люда отмечал еще Сигизмунд Герберштейн, посетивший край в первой четверти XVI века. Впоследствии, в начале XX столетия, на это указывал и П.С. Шереметев. Возможно, архаический пласт сюжетов и орнаментальных мотивов белозерской вышивки унаследован от аборигенов. На эту мысль наводит и значительное сходство белозерской вышивки с карельской и тверской, где славянский компонент также наслоился на более древнюю финно-угорскую культуру. Примечательно также, что большая часть сюжетов и мотивов поздней крестьянской вышивки Белозерья имеет аналогии в ином материале и технике — в археологическом металле. Многочисленные подвески-амулеты, хранящиеся в археологической

Полотенце. 1862 г.

Полотенце. Конец XIX в.

Полотенце. Конец XIX в.

Край полотенца с изображением «небесной роженицы». Конец XIX в.

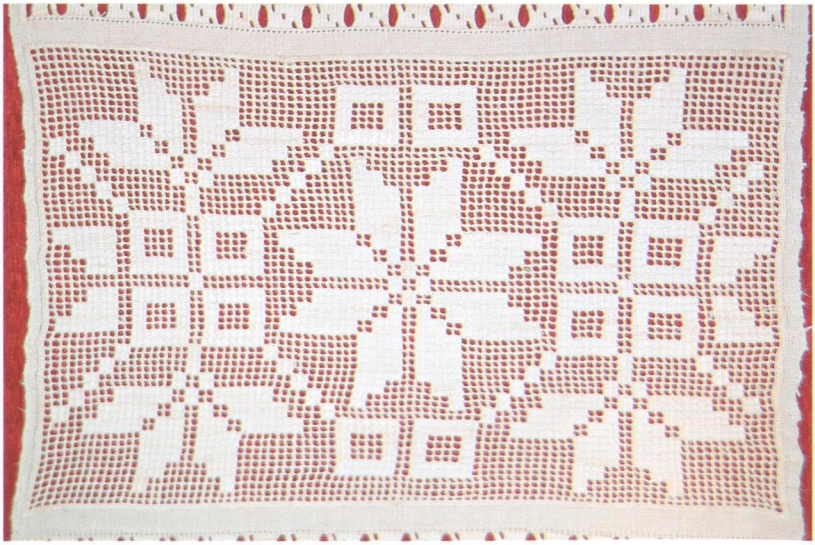
Полотенце. Конец XIX в.

Полотенце. Конец XIX в.

Проставка к полотенцу. Детская работа. Начало XX в.

Проставки к полотенцу с изображением птиц. Начало XX в.

Подол к рубахе с изображением «бабьей братчины». Начало XX в.



Полотенце. Начало XX в.

коллекции музея и относящиеся к предметам финно-угорской культуры, украшены изображениями двухголовых коней, конных змееборцев, волков-оборотней и птиц-утиц. Очевидно, на каком-то этапе эти знаки-обереги перешли с шумящих, отпугивавших злые силы зооморфных подвесок на вышитые ткани. Что же касается сюжетов и мотивов, привнесенных славянским населением, то к ним можно отнести орнаменты с процветшими кринами и исходящими из лона земли ростками, распускающиеся пальметтообразные трилистники, а также геральдические композиции (в особенности, с двуглавым орлом) и сюжеты, связанные с ритуальными действиями, например, «бабьи братчины», возжигание «чистого огня», и др.

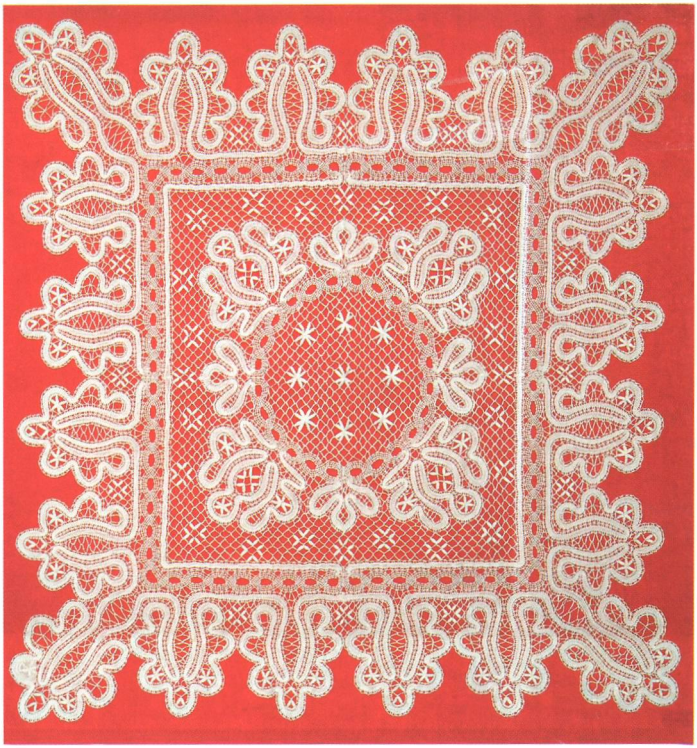
Крестьянская вышивка Белозерья выполнялась в различных материалах и технике. Так, например, работы рукодельниц, живших вокруг Белого озера и далее на северо-востоке, до озера Воже, а также на юго-востоке, до озера Кубенского, — отличаются преобладанием шва «роспись» в очень богатой разработке, наличием шва «тамбур», исполнение которого не зависело от структуры ткани, а также разнообразными узорами по прореженной и перевитой ткани. Шов «роспись» в Белозерье называли «досюльным», т.е. древним, а само шитье «досюльной вышивкой». Досюльный шов выполнялся по счету нитей прямыми и диагональными стежками. При такой вышивке орнамент был двусторонним, т. е. изнаночная сторона у предмета отсутствовала. В архаической вышивке Белозерья преобладал сакральный красный цвет — «цвет солнца, цвет крови, цвет жизненных начал».

ПЛЕТЕНОЕ КРУЖЕВО

Русские женщины начали осваивать кружевоплетение на коклюшках еще в конце XVII века, но особенно широкое распространение это искусство получило во второй половине XIX столетия. От Вологды, традиционного центра кружевоплетения, промысел распространился во всех направлениях, захватив и Кирилловский уезд Новгородской губернии.

Блуза и передник с вышивкой и плетеными прошвами. Начало XX в.

Костюм «парочка» с кружевной косынкой. Начало XX в.



Кружевная накидка. 1960-е гг.

Вологду и Кириллов связывал древний стоверстовый сухопутный тракт, а также водный путь по Кубенскому озеру, реке Порозовице и прорытым глубоким каналам. Летом по воде, на ладьях и баржах на конной тяге, позже — на пароходах, а зимой — по Кирилловскому тракту, в возках и санях, запряженных выносливыми крестьянскими лошадками, в кирилловские села и деревни приезжали скупщики кружева. Как правило, это были женщины, прозванные в народе «кубенками», вероятно, потому, что они возили товар на продажу в большое торговое село Устье-Кубенское, которое в ту пору не уступало Вологде по значимости кружевного дела. На одну «кубенку», как правило, работало до пятисот «плетей» (кружевниц). Скупщики привозили шелк, булавки, сколки, раздавали заказы. Особенно большое количество кружевниц работало в Ферапонтов-

ской, Волокославинской, Бураковской волостях Кирилловского уезда. По статистическим данным за 1904 год их было не менее пяти тысяч. Кружевоплетение было настолько массовым, что в тех деревнях, где оно процветало, в промысел были втянуты дети и старики. Даже молодые парни порой плели кружева на деревенских молодежных «беседах», или посиделках. В докладе, направленном в Министерство народного просвещения в 1902 году, инспектор народных училищ писал о том, что к весне Талицкие школы пустеют, матери усаживают всех детей «обоего пола» за кружевные подушки. Крестьянки спешили завершить принятые заказы к весеннему вскрытию рек, когда с первыми пароходами приезжали «кубенки».

Рост интереса к кружевному промыслу заставил земские власти думать о создании в уезде специальных кружевных классов. Кроме того, плетеи находились в зависимости у скупщиков, которые зачастую занижали стоимость кружева, а порой, пользуясь доверчивостью крестьянок, выдавали им белый, кремовый и черный шелк, купленный в Голландии, на вес, предварительно увлажнив его. В результате при расчете крестьянки были вынуждены платить скупщику за испарившуюся воду. Пытаясь ослабить зависимость

Кружевной подзор. Прошвы. Начало XX в.

кружевниц от скупщиков, власти уезда продавали шелк через земские склады, принимали на комиссию готовые изделия, а затем сами продавали их оптовым покупателям.

Кирилловские кружевницы плели отделочные, так называемые многопарные кружева, которые исполнялись на многих парах коклюшек. Ими украшали полотенца, скатерти, детали костюма. Подобные кружева широко экспортировались в страны Западной Европы.

Необычайно изящны кирилловские сцепные кружева, при плетении которых для соединения деталей применяется вязальный крючок. В этой технике выплетали предметы для украшения интерьера: накидки, салфетки, покрывала, а также детали костюма — шарфы, косынки. Сцепные кружева были популярны в мещанском и купеческом быту, а с конца XIX века плетеные косынки и шарфы вошли в крестьянский костюм. Во многом благодаря развитию кружевоплетения, Кирилловский уезд в конце XIX века занимал второе место в Новгородской губернии по развитию кустарных промыслов.

После революции 1917 года были приняты государственные решения по развитию и поддержке кустарной промышленности и народных промыслов. Их деятельность включили в государственный план, а в Вологде организовали курсы по подготовке кружевниц. Выпускницы курсов разъезжались по деревням и селам, передавая опыт кружевоплетения, распространяя приемы и образцы. В 1926 году кружевницы Кириллова были объединены в артель,

Кукла «Кружевница». Народный мастер России М.Н. Васильева. 2002 г.

к которой примкнули и плетеи из Никольского Торжка и Талиц. Число работающих в артели достигало двух тысяч человек, причем большая часть артельщиц имела солидный опыт работы. Кроме привычных косынок и шарфов, кружевницы плели многопарные отделочные кружева: прошвы, «края» с мысообразной кромкой, аграманты с волнистыми кромками. Большое внимание уделялось выставочным, единичным предметам, над которыми трудились целые группы артельщиц. Кирилловские кружевницы работали в «Кирилловпромартели» и в артели инвалидов «Коллектив». Не прекращалась деятельность кружевниц-артельщиц и в годы Великой Отечественной войны.

В 1960-х и в начале 1970-х годов в Кириллове было подготовлено и проведено несколько крупных выставок народного прикладного искусства, где экспонировались плетеные кружевные изделия. Лучшие произведения отправлялись на областные и всероссийские выставки. В основном, это были работы тех кружевниц, которые получили выучку еще в довоенные годы. Кружевоплетение как домашнее занятие не угасло в кирилловских землях и по сей день. Многие кирилловчанки плетут кружева, обучившись этому искусству в кружках, студиях, а также в общеобразовательных школах (в конце 1970 — начале 1980-х годов кружевоплетение входило в программу школьного обучения).

КРЕСТЬЯНСКАЯ КУБОВАЯ НАБОЙКА

Ручная набойка по холсту — едва ли не самый простой и эффектный способ украшения тканей, известный с давних времен. Но если ткачеством, вышивкой, кружевоплетением занимались в каждой крестьянской избе, то окрашивание и набойка холстов сосредотачивалась в руках отдельных мастеров и крестьянских семей. Набойные мастерские в Кирилловском уезде начали работать примерно в 1880—1890-х годах, что стало известно благодаря экспедициям в Вожегодский район Вологодской области (в прошлом эти земли входили в состав Кирилловского уезда).

Набойная ткань и набойные доски. Конец XIX — начало XX в.

Первая из найденных набойных мастерских находилась в деревне Савинской Тигинской волости Кирилловского уезда. «Красильня» принадлежала братьям Бурушкиным — Ефиму Никаноровичу (1859–1936) и Павлу Никаноровичу (1861–1937). Она размещалась «в задах» дома и состояла из двух помещений. В одном из них находилась красильня, где стояли объемные невысокие чаны для окрашивания. Во втором помещении размещались длинные дощатые столы, на которых расстилали холсты для набивки узора и последующей отделки окрашенных тканей. В самом доме имелась небольшая кладовая, в которой хранили краску и набойные доски.

В мастерской существовало строгое разделение труда. Ефим Никанорович работал в красильне: набивал холсты и завершал процесс отделки готовых тканей. Жены и подраставшие дочери владельцев заведения полоскали окрашенные ткани в реке, развешивали их для просушки, а затем выкатывали (разглаживали с помощью деревянного катка и рубчатого валька). Павел Никанорович собирал заказы, предлагая выбирать узоры по бумажным образцам. В дальнейшем мастер-набойщик на краю холста писал вапой

(резервирующим составом, состоявшим из глины, воска, крахмала и смолы-камеди) название деревни, имя и фамилию заказчика. Особенности почерка в надписях на изнаночной стороне кубовых тканей вожегодской коллекции, характер крашения и набойки позволяют предполагать, что их делали в деревне Савинской. Кроме того, надписи помогают проследить географию «забора холстов».

Ткани, вышедшие из мастерской Бурушкиных, отличает хорошее качество крашения, густой темно-синий цвет фона, двух-трехцветные узоры. Выполнены они с помощью резервирующего состава, в который добавлялся хромпик, в результате чего части узора, не закрашенные синим, приобретали желтый оттенок. Верховая набойка разноцветными масляными красками придавала тканям праздничную нарядность, хотя из-за густо набитых оранжевых горошин основной узор становился невнятным, плохо читающимся. Последнее обстоятельство не смущало заказчиц, которые видели в набойке подобие недоступного им по цене пестрого фабричного ситца. Набойка и плотное лощение воском делали ткань жесткой. Сарафаны из нее хорошо держали форму, ниспадая мягкими округлыми складками. Любопытны их местные названия: «троекрашенники», «синельники», «кубовики», «набивальники», «набоешники».

В Тигинской волости Кирилловского уезда существовала ещё одна набойная мастерская в деревне Малая. Она принадлежала братьям Конону Ефимовичу и Павлу Ефимовичу Борисовым, родившимся около 1870 года. Мастера-набойщики вели общее хозяйство, жили в одной избе. К ней примыкала изба-зимовка, в которой и размещалась их «красильня». Набоечному делу они обучались в деревне Савинской, причем Павел Ефимович был женат на девушке из этой деревни, предположительно, родственнице

Набойная ткань. 1920-е гг.

Набойная ткань с меткой мастера. Мастерская Бурушкиных в д. Савинская Тигинской волости Кирилловского уезда

Бурушкиных. Этим, возможно, объясняется тот факт, что секретами ремесла, обычно строго сохраняемыми, Бурушкины поделились со своими будущими конкурентами.

Кроме набоечных тканей, вышедших из мастерской Борисовых, в музее хранятся принадлежавшие им набойные доски. Одна из них воспроизводит излюбленный в «красильне» точечный узор — «пико». Другая доска имеет узор, состоящий из коротких веточек с листьями и цветочными розетками, расположенными в шахматном порядке. На третьей — нанесены резные восьмилепестковые розетки и трилистники, окруженные веточками и точечными розетками.

В деревне Назаровской Явеньгской волости Кирилловского уезда набойная мастерская принадлежала Савватию Васильевичу Бурлакову (1857–1933), набивавшему холсты для сарафанов-«троекрашенников». Помимо синего, мастер широко применял красный, желтый и зеленый цвета. Узоры тканей, вышедших из мастерской Бурлакова, имеют аналогии в других мастерских региона, что указывает на общий источник приобретения набойных досок.

Благодаря успешной экспедиции Т.С. Золотовой и Е.В. Шуруповой в деревню Марьино Вожегодского района Вологодской

области, предпринятой в 1990 году, был открыт марьинский центр кубовой набойки. Владельцем «синельни» в этой деревне был Никита Сергеевич Журавлев (1860–1939). Он был родом из Горицкой волости Тверской губернии — известного центра производства набойных досок — и происходил из династии потомственных мастеров-набойщиков. Приблизительно в начале 1880-х годов Журавлев обосновался в деревне Марьино, где ему удалось начать

Народный женский костюм с сарафаном и «казачком». 1920-е гг.

Народный женский костюм с набойным сарафаном. 1920-е гг.

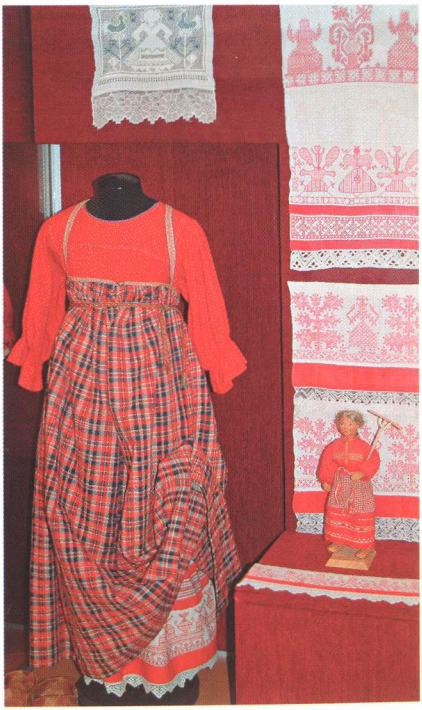
Скатерть-«столешник». 1920-е гг.

свое дело. Набойная мастерская размещалась на первом этаже его двухэтажного дома, рядом с которым находилась лавка сына хозяина, торговавшего семечками. Здесь же продавались красители для холстов и пряжи. Заказчицы приходили в «синельню» из ближних деревень. Принимая заказ, Никита Сергеевич резал выбранный узор на небольшой щепочке, раскалывал ее пополам, после чего одну половину отдавал заказчику, а другую — крепил к холсту. При получении готовой ткани заказчик предъявлял свою щепочку-бирку, а хозяин складывал две половинки и выдавал заказ.

«Синельня» Журавлева состояла из двух помещений. В первом из них «штабелями, как дрова», лежали холсты-«трубы», предназначенные для крашения, а во втором стояли чаны с красителями. Под потолком были натянуты веревки с развешенными образцами. В мастерской Журавлева была изготовлена синяя набивная скатерть-«столешник» с инициалами «А.Д.», отпечатанными в четырех углах. Несмотря на достаточно позднее появление в русском народном искусстве, такие скатерти сохраняли в своих орнаментах древние символические мотивы. Так, на скатерти, вышедшей из «синельни» Журавлева, в центре отпечатана огромная многолучевая розетка — символ солнца, а основное поле заполнено ромбической

сеткой с 8-лепестковыми розетками — «счастливыми женскими знаками», в древности означавшими восемь суточных положений главного светила. Изображения четырех голубок в углах скатерти, а также цепочек в кайме относятся к свадебной символике. Доски для инициалов и овальных рам, отпечатанных на скатерти, скорее всего, изготовил сам Журавлев. Скатерть выполнена в марьинской «синельне» в середине 1920-х годов, когда мастеру было более шестидесяти лет, и принадлежит, по-видимому, к последним его работам. Вскоре после этого марьинская «синельня» была закрыта, а на долю ее владельца выпало немало суровых испытаний.

Несколько красильных заведений действовало и на территории современного Кирилловского района. Так, на его северной границе с Вожегодским районом, в Печенгском сельском совете участниками экспедиции 2001 года был записан рассказ Нины Федоровны Головиной (1930 г. р.) о ее деде, Алексее Васильевиче Васине (1860-е — 1930-е гг.). В соседней деревне Степачево ему принадлежала набойная мастерская, размещавшаяся в небольшой избушке во дворе дома. Здесь работали нанятые хозяином крестьяне Фленовы. В углу мастерской стоял высокий чан, в центре — длинные столы, на шестах-«грядках», протянутых через все помещение, висели окрашенные ткани. Холсты для окрашивания Васину носили со всей округи. Образцом работы этой



Народный женский костюм с сарафаном-«пестрядником». Начало XX в. Кукла «Сенокосница». Народный мастер России М.Н. Васильева. 2002 г.

мастерской служат короткие женские кафтаны на подкладке — «казачки», приобретенные музеем в соседней деревне Бархатово в 1960-е годы.

Другая кирилловская «синельня» находилась в Петропавловской волости, недалеко от современного села Чарозеро, и принадлежала отцу и сыну Спиричевым. Семья Михаила Спиричева, хозяина мастерской, неоднократно переезжала, и мастерская, некоторое время размещавшаяся в деревне Новая, оказалась затем в деревне Прядково. В первые десятилетия XX века набойщик Михаил Михаилович Спиричев работал уже в деревне Клетная. Спиричевы в совершенстве владели набойным делом — ткани, вышедшие из их мастерской, отличаются глубоким синим тоном, красотой узоров, высоким качеством печати. Возможно, из Клетной происходят и имеющиеся в коллекции музея немногочисленные образцы печатных полотенец, доски для производства которых долгое время хранились в семье Спиричевых.

НАРОДНЫЙ КОСТЮМ

Женщины и девушки Белозерья славились особой статью и красотой. Свои достоинства они умело подчеркивали великолепными одеяниями, в которых сосредотачивались все виды деревенского рукоделия: ткачество, набойка, вышивка, кружево.

В целом, костюм женщин Белозерья отличался простотой кроя, разнообразием цвета и богатством отделки. Его обыденный вариант состоял из рубахи, сарафана или юбки, передника и головного убора — повойника — покрытого поверх платком. Рубахи во второй половине XIX века чаще всего шили из двух тканей: их верхняя часть, «воротушка», выполнялась из кумача или пестрого ситца, а нижняя — стан, или, как говорили в Белозерье, «станушка», — из тонкого беленого льняного полотна. По подолу они украшались вышитыми или узорными тканными проставками. Рубаху носили не только под сарафаном или юбкой. Особо украшенные рубахи, подпоясанные узкими тканными поясами, женщины должны были

Праздничный народный женский костюм с шелковым сарафаном, «казачком», и кружевной косынкой. Начало XX в.

надевать во время сложных обрядов, связанных с пахотой, севом, первым выгоном скота в поле, сенокосом и жатвой. Вышитые красными нитями узоры на подолах рубах напоминали о добрых силах, помогающих в этих важнейших крестьянских делах.

Поверх рубахи надевали сарафаны на узких лямках и широкие передники с вышивкой. Летние «будние» сарафаны шили из льняной ткани в клетку. Их названия весьма красноречивы — «пестрядники», «пестряки». В конце XIX века, с развитием набойного дела, в отдельных волостях Кирилловского уезда стали носить сарафаны из синей узорной набойки — «кубовики», «троекрашенники», «синельники», «набивальники», «набоешники». В северных волостях

Праздничный народный женский костюм с сарафаном-«доловиком». Начало XX в.

Народный женский костюм с длинным шерстяным «казачком». Начало XX в.

в зимнее время одевали полосатые, шерстяные широкие сарафаны — «одношовки» или «доловики». Ткань для них ткали в широких бердах на простых ткацких станках. В Петропавловской волости даже бытовала такая загадка: «От грудины до ног сотня дорог. Что такое?» («дорогами» назывались широкие малиновые и красные полоски, которые на сарафане перемежались узкими — желтыми, зелеными и коричневыми). Поверх сарафана надевали стеганые на вате «гейши» (разновидность пальто), светло-коричневые «казачки» из домашнего сукна, «нагольные» (не крытые тканью) шубы из овчины. Повойник заменяли на дорогой золотный кокошник, шитый жемчугами. Костюм дополняли огромные многоцветные шелковые и шерстяные шали, которые стоили целое состояние.

Особенно богат и разнообразен был праздничный девичий костюм. Девушки носили на голове ленту с жестким очельем, украшенную золотным шитьем или позументом. Кирилловские «славутницы» любили наряжаться в «штофники» и «гарусники» — сарафаны из фабричных шерстяных и шелковых тканей. Со второй половины XIX века в крестьянский девичий костюм вошло плетеное на коклюшках кружево. Черные и кремовые шарфы набрасывали на плечи, голову повязывали кружевными «косынками» треугольной формы. На посиделках — деревенских молодежных праздниках — девушки несколько раз переодевались, демонстрируя свое умение ткать, шить, вышивать, плести кружева.

Праздничный народный женский костюм с шелковой шалью. Начало XX в.

ДЕРЕВЯННАЯ УТВАРЬ В НАРОДНОМ КРЕСТЬЯНСКОМ БЫТУ

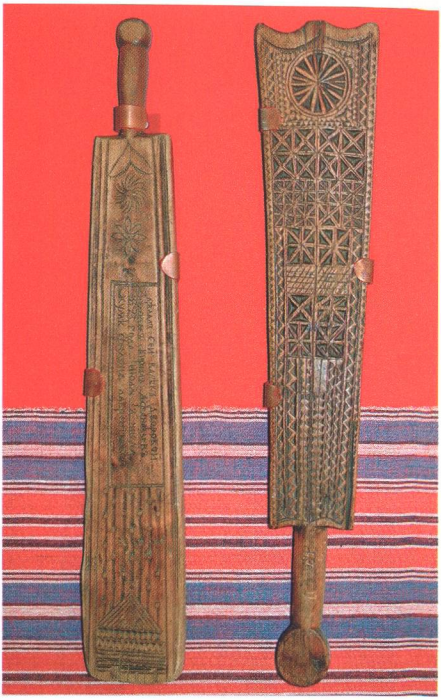
В экспозиции музея представлена также коллекция прялок, немудреной крестьянской утвари и мебели XIX — первой четверти XX века. В декоративном убранстве этих изделий применены традиционные для Белозерья трехгранно-выемчатая резьба, раскраска и роспись.

Крупным центром производства деревянной посуды был Кирилло-Белозерский монастырь. Здесь делали огромные ковши-скопкари, ножевые черни, украшенные «рыбьим зубом». Кирилловская посуда издавна славилась своей прочностью и красотой. Так, И.Е. Забелин в своей книге «Домашний быт русских царей» приводит сведения о подаренных в 1650 году царице и царевнам кирилловских изделиях. В конце XVII века в монастыре выполняли большой заказ на посуду к царскому столу. Впоследствии в этих местах получили известность мастера из Волока Словенского (село Волокославино) и Рукиной Слободы (село Рукино). Они возили свои изделия — ковши-скопкари «на кирилловское дело», солоницы-утицы, ложки и посохи — на ярмарки в Вологду, Ярославль и Великий Устюг.

С большим тщанием украшали крестьянские мастера свои изделия сложной и разнообразной трехгранно-выемчатой резьбой. Многолучевые розетки, ромбы, треугольники, квадраты, вырезанные на трепалах для обработки льняного волокна, рубелях для выкатывания льняных холстов и швейках (приспособлениях для шитья) — складываются в развернутые символические повествования о миро-

Ковш-скопкарь. XIX в.

устройстве, в своеобразные молитвы-заговоры, направленные против сил зла. Составной частью в декор этих произведений входят посвятительные и владельческие резные надписи.

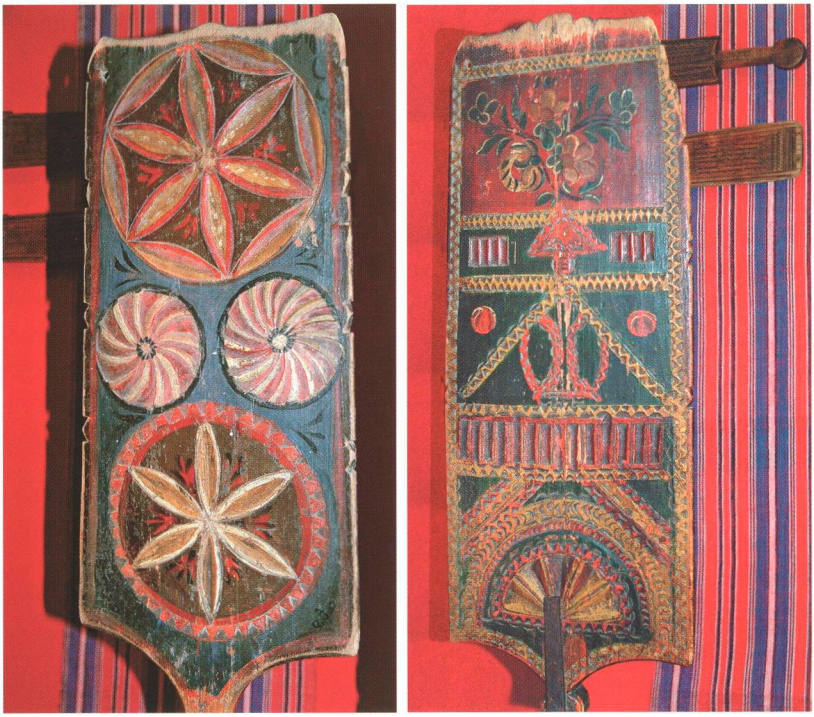


Вальки для выкатывания (разглаживания) холста. XIX в.

Предметом особой заботы мастеров были прялки, в которых «сходились» различные стороны народной жизни. Орудие труда, служившее женщине с ранних лет до глубокой старости, было обязательным свадебным подарком, выражавшим самые добрые пожелания. В Белозерье бытовали как огромные цельные прялки-«коренухи», так и небольшие составные прялочки. «Цельноможные» прялки, происходившие из окрестностей Чарозера (Петропавловская волость Кирилловского уезда), делались из цельного куска дерева. Вытянутая лопастка и короткая ножка вырубались из прикорневой части ствола, а широкое основательное донце — из самого корня. Чарозерские прялки украшены резными солярными розетками. В более позднее время резьбу раскрашивали и дополняли росписью.

Филигранная резьба зачастую превращала бытовой предмет в подлинное произведение искусства. Особенно замечателен представленный в экспозиции валек с надписью: «Делал сей валекъ дворовый человекъ Кирилъ Афанасьевъ. 1823 года июля 1 числа кумеъ Федосье Лаврентьевой». Это один из наиболее ранних предметов в музейной коллекции народного искусства.

Праздничные выносные предметы — прялки, свадебные дуги, сундуки — нередко украшали росписью. К концу XIX века росписи



Чарозерские прялки. XIX в.

Валек (фрагмент). 1823 г.

Расписная чарозерская прялка. Начало XX в.

Талицкая прялка. Начало XX в.

заняли значительное место в интерьере крестьянских изб — живописный декор получили двусторонние шкафы, ограждавшие от постороннего глаза сакральную часть избы — «бабий угол», небольшие навесные шкафчики и шкафы-поставцы для посуды, столы, филенчатые двери. Сюжеты и мотивы крестьянских росписей весьма разнообразны. Особенно широко в них представлен растительный мир: цветущее древо или ветвь, букеты. Нередки изображения птиц и животных, в особенности экзотических львов.

С большим тщанием и любовью народные мастера украшали росписью прялки. В Петропавловской волости Кирилловского уезда на высоких прялочных лопастках писали построенные по ярусам букеты — своеобразные символы Мирового древа. Яркие росписи в слабо освещенной крестьянской избе, казалось, излучали свет, а цветы, исполненные кистью часто безвестных крестьянских «красилей», вносили в избу весеннее тепло и яркое цветение земли.

Вожегодские прялки. 1920-е гг.

Еще в 1960-е годы в южной части Кирилловского района, в окрестностях села Талицы, сотрудниками музея были найдены небольшие прялки, лопастки которых окрашены в желтый или темно-синий, почти черный цвет. Прекрасно построенные живописные панно сияют оранжево-красными пятилепестковыми розетками в окружении жестко написанных листьев. Эти росписи напоминают то пестрые российские ситцы, то набивные павлопосадские шали.

Немало крестьянских художников работало в северной части Кирилловского уезда, теперь отошедшей к Вожегодскому району Вологодской области. Так, в деревне Шебыринской жил Афиноген Петрович Свистулин. Летом он пас скот, а зимой расписывал «пресничи» — прялки. Брал мастер за роспись десяток яиц или 2—3 рубля. Местные крестьяне жаловались, что «в люди» (т.е. жителям других деревень) он «красил» лучше, чем своим односельчанам. Чаще всего на широких и высоких лопастях прялок Финоген Петрович писал вырастающий из вазона высокий стебель с редкими длинными ответвлениями и бело-розовыми цветами.

В деревне Анциферовской жил крестьянский художник Григорий Александрович Беляков. Как и Свистулин, он в основном расписывал

орудия крестьянского труда. Прялки, трепала для льна и вальки для выкатывания холщевого полотна расцветали под его кистью ромашками, луговыми гвоздиками и васильками.

Анатолий Васильевич Соколов из деревни Песок писал портреты односельчан. Он же украсил росписью местную часовню Покрова Богородицы. Доводилось ему писать и иконы. Однако чаще всего Соколов выполнял заказы на роспись сундуков и прялок. В деревне Песок работал и другой мастер — Петр Макарович Ползунов. Расписанные им шкафы, заборки, двери были найдены сотрудниками музея в доме Катышевой. Предположительно, в круг работ мастера входит и замечательный ансамбль декоративной живописи из деревни Тимошинская Покровской волости (современный Вашкинский район Вологодской области). Убранство зажиточного дома состояло из двустороннего шкафа-заборки, двух дверей, заборки и киотов для икон. Общая площадь расписной поверхности составляет более 15 квадратных метров. Роспись отличает высокий профессионализм исполнения, декоративное чутье, разнообразие орнамента, четкий, уверенный рисунок. Необычайно красивые

Шкаф, заборка, двери. Конец XIX в.
Из д. Тимошинской Вашкинского района Вологодской области

Дверь. Начало XX в. Из д. Кобылино Кирилловского района Вологодской области

Входная дверь с изображением льва (фрагмент). Начало XX в. Из д. Займищи Кирилловского района Вологодской области

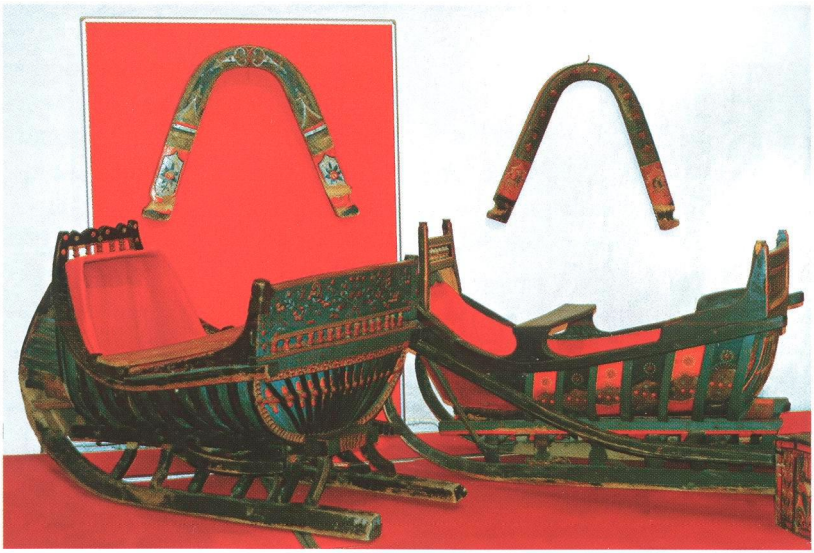
букеты из кобальтовых цветов и зеленых листьев собраны кистью художника на коричнево-оранжевом фоне. Свободная, широкая манера письма с применением белильных высветлений, усики-раскрутки, листики с «рожком», травные приписки — все это характеризует индивидуальную манеру мастера.

На территории современного Кирилловского района найдено немало других расписных предметов обихода, орудий труда и крестьянской мебели. В 1972 году музеем был приобретен небольшой навесной шкаф в деревне Скребино (Коротецкого сельсовета Кирилловского района), где на филенках, окрашенных в коричневато-красный цвет, написаны букеты. Особенно любопытна роспись на боковой стенке шкафа. Здесь изображен стоящий на задних лапах лев, из пасти которого вырастает причудливо изогнутая цветущая ветвь. Внизу надпись: «Котъ заморский» — так определил мастер «породу» изображенного зверя. В деревнях Кирилловского района найдены и наружные росписи, к которым можно отнести роспись

входных ворот с фигурой гривастого льва, пристально смотревшего на входившего в избу.

Предметом особой заботы крестьян были расписные выездные сани. На санях и дугах часто можно видеть даты изготовления, посвятительные и владельческие надписи. Так, на великолепных санях XIX века из коллекции музея есть надпись с именем мастера: «Ма[стер] Зимарского обхода Федор Попо[в]». По верхней части расписной дуги идет надпись, выполненная размашистым почерком, черной краской: «Сия дуга дере[вни] Дерягина кре[стьянина] Митрея Е[в]графова».

Расписные сани и дуги — приметы праздничной северной культуры. Подобные сани запрягали 2—3 раза в год по большим зимним праздникам. Так, в Кириллове существовал обычай на Масленицу катать невест в лучших расписных санях, причем рядом с девицей на выданье ехал сундук с ее нарядами. По дороге она могла менять шаль, шитые золотом рукавицы, демонстрируя достаток семьи и свое мастерство. Нередко возле невесты стоял попыхивающий паром и дымом самовар — предмет особой гордости и знак благополучия крестьянского семейства.



Сани, дуги. XIX в.

БЕРЕСТЯНАЯ УТВАРЬ

Береста, или, как ее называют в Белозерье, «берёста», с незапамятных времен использовалась в северных русских деревнях. Берестяными пластинами — «скалами» подстилали кровли жилищ, храмов и других сооружений. Но особенно широко ее использовали для изготовления домашней утвари и обуви. Вся мужская половина крестьянского населения владела незамысловатым ремеслом берестянщика. Основной способ, которым пользовались при изготовлении коробов, лукошек, солоников, а также обуви, — плетение из узких берестяных лент. Инструментом при этом служил небольшой костяной кочедык, или котач. Бутылеобразные вместительные солоники использовали для перевозки и хранения дорогого в прошлом продукта — соли. В крошечные солоницы насыпали соль, которую брали с собой на работу, в лес, в поле, в дальнюю поездку. При плотном многослойном плетении достигалась полная герметичность солоников.

Широко были распространены в Белозерье всевозможные берестяные футляры: налопаточники для лопаток, которыми точили косы, косники — для кос-горбуш, ножны для ножей-«клепиков». Эти предметы, сплетенные по косой, декорированы контрастными по цвету берестяными полосками. С древнейших времен там, где есть береста, крестьяне плетут удобную обувь — лапти, ступни. Умели плести берестяные предметы и некоторые женщины. Так, есть сведения о том, что на посиделках в Зауломской волости

Берестяное лукошко. Начало XX в.

Берестяные солоники. 1970-е гг. Мастер А.В. Корнилов

Кирилловского уезда девушки, наравне с парнями, «ковыряли» — плели лапти. В берестяных лаптях женщины «топтались» по хозяйству: ходили в хлев, огород, по воду. Мужчины в этой обуви выполняли все сельскохозяйственные работы: пахали, сеяли, косили сено, возили дрова, убирали урожай.

Берестоплетение продолжает развиваться и в настоящее время. Мастера, кроме традиционных изделий, выплетают большое количество сувениров, зачастую повторяя в малых формах традиционные крестьянские изделия.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТАЛЛ

С давних пор в отдельных волостях Кирилловского и Белозерского уездов добывали болотную железную руду, плавили металл и ковали орудия труда, изготавливали предметы домашнего обихода. В коллекции музея среди разнообразных предметов кузнечной работы привлекают внимание светцы — приспособления для освещения жилищ. Без светца с горящей лучиной невозможно представить крестьянскую избу. Самый незатейливый светец — это железный

Сундук-«подголовок». 1771 г.

Медные ендовы. Ковши. XIX в.

брус, вбитый в чурбак заостренным концом. Другой конец его рассечен на несколько отогнутых в стороны пластин, между которыми и зажимаются лучинки. На протяжении столетий эта конструкция не претерпела больших изменений, и светец, выполненный в 1950-е годы, мало чем отличается от более ранних изделий такого типа.

В кирилловских деревнях бытовали и высокие напольные светцы с витыми стержнями, приваренными к кольцевым основаниям, с навершиями из отогнутых и закрученных в разные стороны пластин-держателей. Они напоминают упруго раскручивающихся вверх стебли гигантских растений. Нетрудно представить, как в вечернем полумраке крестьянской избы они пышно расцветали огненными цветами. Рядом со светцом обычно усаживали самого непоседливого мальчишку, который должен был время от времени менять прогоревшую лучинку.

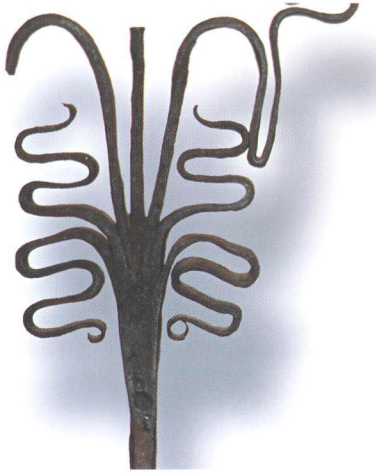
Особую область народного искусства представляло в прошлом изготовление разнообразных сундуков. В них хранились самые ценные предметы: документы, деньги, книги, украшения, лучшие костюмы. Непременным украшением сундуков был кованый металл.

Светец для лучины. XVIII в.

Кованые сундуки составляли поклажу путешествующих. В музейной экспозиции находится великолепный сундук-подголовок с высеченной в металлической пластине цифрой «1771», — по-видимому, датой его изготовления. Гордостью коллекции является сундук-«теремок», имеющий потайное отделение в верхней части. Его крышка и боковые стенки украшены коваными металлическими полосками с изящным просечным узором. В убранстве сундука сохранились полоски цветной бумаги, слюда, подложенные под просечной металл. Сундук, по-видимому, выполнен в Великом Устюге, где в прошлом существовало крупное сундучное производство. Продукция великоустюжских мастеров широко расходилась по России, вывозилась в восточные страны.

Широко применялась в Белозерье медь. Медная посуда вошла в быт северного крестьянина еще в XVIII веке. Ендовы, ковши, братины, чайники, бурлацкие и охотничьи котлы, самовары — вот далеко не полный перечень предметов из меди, бытовавших у местного населения. Медники, котельные мастера были почти в каждой волости Кирилловского и Белозерского уездов. В самом городе Белозерске в середине XIX века действовал колокольный завод, где, кроме основной продукции, изготовляли самовары и разнообразную посуду.

Простейшие материалы, подаренные природой, — дерево и глина, железо и медь, лен и шерсть, в руках народных умельцев — крестьян и ремесленников, превращались в подлинные произведения искусства. Народные мастера творили по неписаным законам целесообразности, удобства и красоты, передавали накопленный опыт из поколения в поколение, сохраняя выработанные веками традиции.



Светец для лучины. XIX в.

Медная ендова. XIX в.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алпатова И.А.* Набойка // Русское декоративное искусство. Т. III. М., 1965. С. 284–294.
2. *Варюхичев А.Г.* Горшеня из Ситского // Сказы о самородках. Архангельск, 1978. С. 54–60.
3. *Воронова О.В.* Плетеное кружево XVIII–XX вв. Буклет. Вологда, 1990.
4. *Сигизмунд Герберштейн.* Записки о Московии. М., 1988.
5. *Голубева Л.А.* Весь и славяне на Белом озере. М., 1972.
6. Гончары России — 2000. Посуда. Каталог-справочник. Вологда, 2000.
7. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях. Т. 1, М., 1862.
8. *Иванова Г.О.* Расписной стол из собрания Кирилло-Белозерского музея // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. II. Вологда, 1997. С. 122–129.
9. *Ильина Е.С.* Закуштский гончарный промысел. Вологда, 2000.
10. *Лелекова О.В.* Материалы к истории художественной мастерской Кирилло-Белозерского монастыря XVII–XVIII вв. // Древнерусское искусство. Художественные памятники Русского Севера. М., 1988. С. 157–180.
11. *Лопатенко Н.М.* Традиционная керамика Ерги // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. II. Вологда, 1997. С. 130–142.
12. *Мазалецкая В.А.* Надписи на произведениях народного искусства в собрании Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. II. Вологда, 1997. С. 122–129.
13. *Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
14. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. СПб., 1998.
15. *Петрова Л.Л.* Гончарное искусство XIX–XX веков. Буклет. Вологда, 1985.
16. *Петрова Л.Л.* Художественный метал XVIII — начала XX веков в русском быту. Буклет. Вологда, 1986.
17. *Петрова Л.Л.* Народная резьба и роспись по дереву XIX — начала XX веков. Буклет. Вологда, 1990.
18. *Петрова Л.Л.* Солнечная береста. Буклет. Вологда, 1991.

19. *Петрова Л.Л.* Мир озерного края // Северная Фиваида. М., 1993. С. 82–85.
20. *Петрова Л.Л.* Ремесла и промыслы крестьян кирилловского уезда // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 118–139.
21. *Петрова Л.Л.* Деревенские заводчики. // Лад. № 1, В., 1995. С. 36–40.
22. *Петрова Л.Л.* Гончарное искусство Белозерья // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. III. Вологда, 1997. С. 143–156.
23. *Петрова Л.Л.* Народное прикладное искусство. Буклет. Кириллов, 2001.
24. *Петрова Л.Л.* Набойный промысел в Кирилловском уезде // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Вологда, 2002. С. 107–114.
25. *Петрова Л.Л.* Набойные ткани в коллекции Кирилло-Белозерского музея // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. V. Вологда, 2003. С. 228–234.
26. *Петрова Л.Л., Лужинская И.В.* Кирилловская народная роспись по дереву // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. V. Вологда, 2003. С. 235–241.
27. *Петрова Л.Л.* Отдел народного искусства Кирилло-Белозерского музея-заповедника (Формирование коллекций. Экспозиционно-выставочная, научно-популяризаторская работа) // Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. М., 2004. С. 64–70.
28. Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX веков. Под ред. И.В. Власова. М., 2001.
29. *Соколовы Б.* и *Ю.* Сказки и песни Белозерского края. Кн. 1. СПб., 1999.
30. *Шевырев С.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1850.
31. *Шереметев П.* Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902.

Людмила Леонидовна Петрова

Народное искусство Белозерья

Путеводитель

Главный редактор Л.В. Нерсесян
Редактор Т.Г. Кислицына
Оформление обложки и цветокоррекция О.В. Федянина
Верстка Н.А. Заозёрова
Корректор М.А. Алексеева

Изд. лиц. ИД № 03851 от 25.01.01
Подписано в печать 15.05.2005
Формат 84 x 108 1/16. Бумага мелованная. Гарнитура AcademyC. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,72. Тираж 1500 экз.

Издательство «Северный паломник»
127018 г. Москва, 3-й пр-д Марьиной Рощи, д. 40, корп. 6, оф. 312
тел./факс (095) 689–95–97, 689–60–24
E-mail: info@npilgrim.ru
www.npilgrim.ru

ISBN 5944311542-1

9 785944 311542